

СПАСТИ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

ИЛЬЯ БАКСАЛЯР

18+

Илья Баксаляр

Спасти Советский Союз

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Баксаляр И. Н.

Спасти Советский Союз / И. Н. Баксаляр — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Строя новое общество социальной справедливости, Советский Союз занимал одну шестую всей суши земли. Казалось, такой Великий исполин будет существовать тысячелетия. Однако случилась катастрофа. Кто-то говорит о заговоре, кто-то о предательстве. Но, может быть, все это только последствия? Ведь хороший дом всегда стоит прочно и устойчиво на крепком фундаменте. Мистический роман «Спасти Советский Союз» - это истории о душах архитекторов, которые закладывали основы советской страны. Наверное, это искренняя попытка дать ответа на вопросы: «На чем держится любое сильное государство? Какая роль каждого из нас?».

Содержание

Глава первая. В поисках истины	6
Глава вторая. Исповедь Брежнева	10
Глава третья. Откровения Хрущева	12
Глава четвертая. В поисках Лаврентия	17
Глава пятая. Грузия	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Другие книги автора

Мировая революция

Бурани для Амина. Трилогия. Возня у трона.

Харизостан.

Тайны кривых зеркал.

Всадники апокалипсиса Сальвадора Дали.

Обратная сторона успеха.

Титульный бой.

Восхождение к Шамбале.

Глава первая. В поисках истины

Парю высоко в облаках, меня больше нет, я умер, остался только дух, который не может найти себя несколько десятков лет. Подняться в рай не получается: не все в своей жизни делал как надо, не проявил должного внимания к людям и допустил несправедливость. Сам к этому непричастен, не мог остановить жестокость и несправедливость? В конечном счете, власть находилась у правителей, но вина за их злодеяния легла на меня. В ад мне тоже не суждено попасть, потому что свершал много хорошего для людей, дарил тепло и все, что у меня было.

Я ищу ответ только на один вопрос: мог ли остаться в живых и быть таким же сильным, как раньше, в лучшие свои годы? Это беспокоит мою душу и не дает возможности найти себя. Я родился в давние времена на берегах Днепра. То была чудная эпоха: прекрасные люди, смелые и отважные, не приклонявшиеся ни перед кем. Для них главное было не обижать слабых и не унижаться перед сильными. Прекрасные руссы создавали меня, осваивая новые земли, строя города, сея пшеницу, растя детей и поклоняясь Богам, которые не требовали быть их рабами, а лишь сохранять культуру и ценности предков. Тогда не было тронов, на которых восседали бы высокомерные князья и цари. Мой народ дышал свободой.

Много врагов пытались захватить меня и поработить, но свободные люди вставали на защиту и в жестоких сражениях давали мне шанс расти и становиться сильнее. Они строили прекрасные терема и бережно относились к своей родине. Ведь все вокруг было живым: и земля, и вода, и небо, и солнце, и ветер, и весна, и лето. Это были мои Боги, которые заботились о стране и людях. Со временем я стал самым сильным. Моя территория простиралась на тысячи километров, и более мощного и большего, чем я, в Европе тогда не было. Сила моя заключалась в людях, которые сами решали свою судьбу, выбирая вождей из числа самых умных жителей и определяя свое будущее и мое. Это было самое счастливое время моего расцвета.

А потом случилась беда. Князю не хватало власти, он мечтал о большем. Желая верховодить всеми единолично. Но Боги не давали ему такого права: кто князь? Всего лишь человек, один из обычных людей. А кто мы? Мы Боги, посланники земли, воды, плодородия, материнства, ветра. Мы оберегали народ и родной край. Но правитель хотел власти над всем народом, чтобы единолично вершить его судьбу. Князь предал меня и навязал всем свою волю. Свободные люди не склонились перед нарушившим традиции предков владыкой. Но повелитель мечом и огнем загонял мой народ в воду, требуя одного – покорности. Свободные люди не шли на сделку с совестью и умирали, стоя в холодной воде по горло. Нужно было всего лишь окунуться с головой и принять новую веру. Но достоинство не позволяло им предавать предков, и они умирали, но не склоняли головы. Сколько их было, честных и мужественных людей?

Я смотрел на князя, который ради власти уничтожал свой народ. Он говорил, что делает великое дело, чтобы объединить людей, но то была ложь. Свободные люди были уничтожены жестоким князем, а его дети начали такую междоусобицу, что очень скоро меня не стало. Толпы дикой орды хлынули на мои просторы, сжигая дома и вытаптывая урожай, угоняя в рабство женщин и убивая мужчин. А мелочные правители, способные только враждовать друг с другом, предали меня и отдали на поругание диким племенам.

Триста лет меня не существовало, но руссы возродили страну из небытия. Это была моя юность – тяжелая и страшная. И я выжил несмотря ни на что. В моей жизни было все – и взлет, и падения, и радости и горе, и величественные поступки и предательство. Но в самые трудные моменты ко мне на помощь поднимался народ. Казалось, все, меня не будет, вот он, конец. Но глубоко в недрах народа находилась сила, которая поднималась сама собой и вела за собой людей. И я возрождался, становясь с каждым разом все сильнее и больше.

Сейчас про меня забыли, не нашлось людей, кто встал бы за меня. За долгие годы жизни я был истерзан, изранен, но все равно жив. А теперь от меня остался только дух того великого и могучего, каким я был в прошлом. Теперь парю в облаках, и мой дух витает над моим растерзанным телом.

Я помню свои последние месяцы жизни. Три удельных князька ради собственных корыстных целей предали меня. Им хотелось власти, трона и славы на руинах моего разорванного тела. В страшной угае, рвали на куски не только меня, но и народ, стравливая руссов друг с другом. Люди им были неважны. И они уничтожали меня при молчаливом согласии народа.

Но почему так случилось? Почему народ бросил меня и равнодушно смотрел на мою агонию? Много лет я не мог понять, почему так случилось, почему народ позволил разорвать меня на куски. И лишь недавно меня осенило. Значит, в моем развитии на определенном этапе была допущена грубая ошибка, и я пошел по неправильному пути, который привел в тупик, где я и нашел свою смерть.

Хотел спросить у Горбачева: почему так получилось? Я ведь видел, что он искренне хотел дать людям свободу, избавить их от страха. Но все пошло не так. Многие обвиняют его в предательстве. Но я думаю, что здесь они ошибаются. Горбачев не был предателем – это точно, но ему не хватило опыта, терпения и, главное, мудрости. Ведь как только новый правитель поднимается на трон, его всегда окружают люди. Достойные стоят рядом и честно говорят в лицо, но таких после вероломного князя осталось не так много. Властители бояться опираться на сильных, им всегда проще видеть вокруг себя слабых, подобострастно смотрящих в глаза и готовых выполнить любое пожелание.

Горбачев хотел изменить меня, дать мне новый импульс развития, освободить от оков идеологических пут. Но он сам оказался не самым сильным человеком, а окружение не давало ему выбрать правильный путь. Я видел, с каким энтузиазмом начал свое правление Горбачев, как горели его глаза, и светилось огромной надеждой лицо. А потом он уставший, с потухшими глазами покидал трон. На его лице не было улыбки, только полное разочарование.

Уходил президент могучего государства, оставляя меня на разграбление кучке князей, готовых пировать на похоронах собственной Родины. Мне было жалко смотреть на Горбачева, ведь с ним я связывал огромные надежды на светлое будущее и с энтузиазмом смотрел вперед. Он уходил под свист толпы, непонятый народом, которому хотел подарить свободу. Горбачев не проявлял жестокости, не насаждал страха, дал людям выразить свою волю. Но нужна ли была народу свобода? Где он допустил ошибку? Я не мог понять. Да и имеет ли это теперь значение, меня все равно больше нет.

Я поднялся в небо посмотреть на солнце – оно всегда умеет согреть и поднять настроение. Там, в вышине, я увидел дух Андропова. Он парил над облаками, о чем-то задумавшись.

– Добрый день, Юрий. Как ты поживаешь здесь?

Андропов долго смотрел на меня изучающим взглядом. Профессиональная привычка чекиста осталась у него и здесь

– Добрый день. Хотя какая разница – добрый он или нет? Для нас это не имеет значения, мы ведь давно умерли.

– Скажи, Юрий, как получилось, что я попал в большую беду, а народ оказался равнодушен ко мне и в самую трудную минуту остался глух к моей боли, моим крикам и даже агонии? Они с презрением смотрели на мою слабость, нерешительность и полную нищету. Состарившись, потеряв здоровье и силы, я стал никому не нужен. И поэтому меня рвали на куски с такой яростью, как будто я виноват во всех их бедах. Они забыли время, когда я был сильным, здоровым и со мной все считались.

Андропов смотрел на меня.

– Ты был болен – и серьезно.

– Когда же я заболел?

– Это случилось давно. Все мечтали о равенстве, братстве, справедливости. Кто не мечтает об этом, особенно в юности? Все мы хотели для тебя только хорошего. Человек живет, пока верит, как только вера покидает его, он больше не жилец на этом свете. Я хотел вылечить тебя. Но не знал, с чего начать. Все было очень запущено. В экономике стагнация, коррупция набирала обороты, мы не выдерживали гонки вооружений, плановая экономика трещала по швам. Люди не верили в идеи социализма, общество начало гнить изнутри. Пока этого не было видно, но я знал, что болезнь смертельна, и лечить ее было крайне тяжело. Я хотел сделать все, что бы спасти тебя и вылечить. Но мне не хватило времени и... – Андропов запнулся. – Нужна была решительность, но мне ее не хватило. Твоя болезнь началась давно, но лечить ее никто не решался.

Умные глаза Андропова с сочувствием смотрели на меня.

– А кто мог спасти меня?

Он долго молчал. В его глубоких глазах читалась тоска, беспросветная бездна отчаяния и безнадежности. Но вдруг Андропов ожил.

– Был только один человек способный вылечить тебя.

– Кто это? – осторожно поинтересовался я.

– Я не любил этого человека. Не знаю, почему, но не любил, хотя в глубине души уважал и даже завидовал его способностям, уму и таланту организатора.

– Кто же это?

– Наш счетовод, – ответил Андропов.

– Какой счетовод?

– Извини, забыл, так мы звали его между собой за глаза. Он умел складывать, вычитать и умножать в уме четырехзначные цифры, поэтому мы в шутку звали его счетоводом. За доли секунд производил в уме такие сложные расчеты, что все просто диву давались.

– Так кто же это? – нетерпеливо спросил я.

Но в это время порыв ветра отнес дух Андропова очень далеко, и я не смог его догнать. Жаль, что я не узнал имени того, кто мог спасти мне жизнь и сделать людей счастливыми. Нелепая случайность прервала столь важный для меня разговор.

Я плыл дальше на белом облаке в неизведанную даль, изредка поглядывая вниз. Вспомнились последние месяцы моей жизни. Танки вышли на улицы Москвы, перекрыли важные перекрестки и главные площади столицы. Демонстрируя свою силу и желая напугать всех, кто хотел свободы. Солдаты смотрели из танков на людей и не понимали, зачем их прислали сюда. Им говорили, что здесь враги, предатели и бандиты. Но вместо них из домов выходили женщины и несли чай, бутерброды и цветы. На танки залезали молодые люди и объясняли солдатам, что они не враги, просто всем надоело постоянное вранье и несправедливость, что жители Москвы желают перемен и не хотят возврата к прошлому. Солдаты еще сомневались, но стрелять в людей они точно не хотели, и, даже если бы поступил приказ, вряд ли бы его выполнили.

Прошло всего три дня. Танки ушли из города. Народ праздновал победу. Но это была не победа, а начало страшной смуты и моей гибели. Светлые головы зовут на баррикады, мужественные и сильные идут в бой. А в это время проходимцы пробираются к трону, чтобы воссесть на нем и свысока смотреть на вчерашних героев, посмеиваясь над их глупостью. Таким был август девяносто первого года. Нашелся ли тогда человек способный спасти меня? Нет, тогда было поздно, болезнь расплзлась по всему организму, разнося страшные метастазы во все клетки организма. Значит, Андропов был прав, я был болен давно. Но кто же тот человек, который мог меня спасти?

Я парил над землей, вспоминая прошлое, и пытался понять, чем же так заболел, что не смог выздороветь, и, больного, меня просто бросили на произвол судьбы, забыв историю и все то, ради чего умирали их предки. Как жаль, что я не успел до конца выслушать Андропова –

это был умный и талантливый человек, и если он что-то говорил, это были важные слова. Я плыл на облаке дальше, вспоминать последние дни своей жизни было больно.

В марте девяносто первого Горбачев вынес на всенародный референдум вопрос: жить мне или нет? Он рассчитывал на народ, и люди дружно сказали: жить! Тогда я вдохнул с облегчением. Время было сложное, мне нужна была поддержка. Плохо жилось и людям, не хватало продуктов питания, в магазинах исчезали товары. То там, то тут возникали кровавые стычки. Но даже в таких условиях народ сказал: жить! Жить тому, что мы создавали тысячелетие, жить единству. Но местные князьки не хотели моей жизни. Они мечтали каждый о своем удельном княжестве и всячески старались натравить людей на меня, эксплуатируя ошибки предыдущих правителей. Горбачев не мог ответить народу – что нас ждет впереди? Он много говорил, но дела шли все хуже и хуже. Болезнь перешла в последнюю стадию. Я с болью смотрел на Горбачева, надеясь, что он сможет совершить чудо, но он не был волшебником, и все его попытки меня не спасли. Было слишком поздно.

Глава вторая. Исповедь Брежнева

В небе я заметил дух Брежнева, он неспешно проплывал в стороне от меня.

– Леонид, Леонид, постой!

Брежнев остановился.

– О, здравствуй, здравствуй! – Он сразу пошел обниматься. – Как я рад видеть тебя. Стой. А почему ты здесь? – Леонид Ильич озадачено смотрел на меня. – Мы делали все, чтобы ты был здоровым и сильным, что случилось, почему ты здесь, а не на земле? Этого ведь не могло случиться с тобой?

– Да, Леонид, я тоже думал, что буду жить вечно, но девяносто первый оказался для меня роковым.

– Ты пережил меня всего на девять лет? – Брежнев страшно расстроился. – Что же получается – тебя больше нет? – Его лицо потемнело. – Восемнадцать лет я трудился во благо Родины. Почему так случилось? Он стал рыдать, потом успокоившись тихо проговорил – Наверное, я допустил главную ошибку, не проявил воли, когда хотел уйти на покой. В семьдесят четвертом году у меня случился инсульт. Просил свое окружение отпустить меня на отдых, но они настояли, чтобы я продолжить руководить. Не представляешь, как мне было тяжело. Ездил по разным странам, боясь перелетов и выступлений. Сердце барахлило. В любой момент могло подвести, со мной всюду был врач. Я несколько раз падал из-за проблем с сердцем, микроинсульты преследовали повсюду. Ты не представляешь, с каким страхом в душе я жил. Ужасней всего было потерять сознание на официальном мероприятии, это стало бы страшным позором. Я просил и умолял: отпустите меня, не мучайте, но Политбюро настояло на своем. Понимаю, почему они так поступили, я был слаб, и за моей спиной они обделывали свои мелкие делишки. А я не мог их проконтролировать. Особенно боялся выступать на съездах. Читать доклад по несколько часов стало для меня настоящей пыткой. Часть лица после инсульта была парализована, и хотя врачи сделали чудо, говорить мне было очень трудно. Прочитать речь стоило огромных усилий и напряжения. А они? Все эти члены Политбюро смеялись надо мной за глаза и пародировали. Они даже не догадывались, какой ценой мне все это давалось. Я видел, кто меня окружает. Были сильные личности, но их с каждым годом становилось все меньше и меньше. Вокруг меня появлялись другие люди. Они льстили в глаза, публично превозносили меня, а за спиной смеялись и травили анекдоты. А ты знаешь, почему я умер? – вдруг спросил Брежнев.

– Слышал, что-то с сердцем?

– Нет! Мне было очень плохо, а меня заставили стоять на трибуне мавзолея и приветствовать трудящихся во время демонстрации, посвященной Октябрьской революции. Прихватило сердце, страшно болела голова, все тело колотило в лихорадке, но меня буквально заставили подняться на трибуну. «Вы, Леонид Ильич, наше достояние! Как же без Вас? Без Вас никак!» Я стоял на трибуне под холодным ветром и дождем. Это было мое последнее выступление на людях. После этого я слег. Знал, что жить осталось совсем немного. Вспоминал свою жизнь: был коммунистом, искренне верил в социальную справедливость и светлое будущее. Начинал жизнь простым рабочим, потом на партийной работе, воевал, поднимал Молдавию, целину, потом продолжил в Москве. Видел сталинские методы работы. Сам был в этой системе, жил при ней в постоянном страхе. Знаю, как тяжело работать, когда над тобой висит дамоклов меч, за любую инициативу можно поплатиться головой, и не прощается ни один промах. Этот страх всегда связывал руки, не давал проявить себя. Потом Сталин умер. Помню, как народу стало страшно за будущее. Ведь все решал один человек, и вдруг его не стало, что делать? Как мы все не верили в свои силы! Как боялись самостоятельности и будущего без вождя. Потом пошли

подковерные, закулисные схватки. Арестовали Берия. Я его знал, как все, тоже боялся, хотя, говорят, что организатор он был талантливый. Бывшего наркома НКВД арестовали и вскоре расстреляли, объявив врагом народа и английским шпионом. Я долго удивлялся, как это Берия вдруг шпион, ведь, по сути, он был правой рукой Сталина. Потом власть взял Хрущев. Он конечно неплохой человек, но ему не хватало культуры и образования. К тому же его минусом была чрезмерная эмоциональность, и часто в порыве гнева он допускал ошибки, хотя сделал много для страны. Но его непродуманные реформы вызвали возмущение в народе. И мы организовали заговор против Хрущева. Я не принимал активного участия в нем, но так получилось, что стал компромиссной фигурой в борьбе за трон. Они думали, что я слишком прост. Но – простачком – просидел на вершине власти восемнадцать лет. Эх, как все начиналось! Как мне хотелось создать новую страну. Я старался убрать страх, хотел, чтобы люди жили счастливо, в достатке и мире, радовались жизни...

– А ты мог меня спасти? – спросил я Брежнева.

– Я старался. Делал все для народа и тебя! Наверное, я допустил две ошибки. Первая – не ушел во время на заслуженный отдых, и вторая моя страшная ошибка, что согласился на ввод войск в Афганистан. Война дело всегда грязное, и я ее не хотел, но меня убедили.

– Все мы допускаем ошибки. Но скажи же мне, Леонид, кто мог все-таки меня спасти?

Брежнев замялся. Он долго смотрел вдаль, видимо, вспоминая свои лучшие годы.

– Есть такой человек. Но он был слишком умен и самостоятелен, мне часто приходилось его останавливать. Его не очень любил, рядом с ним было неуютно. Я любил поболтать, пообсуждать, а он говорил мало, все только по делу. Он был умнее всех нас.

– Ты завидовал ему?

Брежнев опять задумался.

– Не очень. Простой народ любил его, и мне было немного обидно. Чем я хуже него? Я был открытым человеком, хорошо понимал людей, не делал никому зла, старался поступать по совести. А он был другим, держался всегда в тени, был скромн и честен, таких, как он, я никогда и нигде больше не видел. Помню его слова: как же можно жить без честности, это все равно, что жить без хлеба. Зарубежные правители дарили ему очень дорогие подарки, а он их сдавал государству и на вырученные деньги строил школы, детские сады, библиотеки. Разве таких людей можно сейчас найти? Нет. Я ценил его, он много сделал для страны, но мне приходилось его сдерживать. Товарищи из Политбюро и ЦК часто возмущались его идеями, и мы просто не давали нашему умнику развернуться. Но вот этот человек мог бы тебя спасти. Думаю, больше никто не смог помочь.

– А как его зовут?

Но тут ветер подхватил меня. Дух Брежнева что-то говорил, но я не мог расслышать. Помахал ему издали. Может быть, мы еще встретимся. Почему не поблагодарил этого правителя? Он был хорошим человеком, открытым и добрым, и много сделал для народа и меня. Ведь именно при нем я был в самой своей лучшей форме. Вспомнил, как безжалостно с ним поступили товарищи по партии, заставив мерзнуть три часа на трибуне Мавзолея. Мне стало очень, жаль Брежнева. Тогда, в ноябре восемьдесят второго, было холодно, выпал первый снег. Вся страна в трауре. Гроб несли к могиле, рядом – престарелые серые лица из Политбюро. Уставшие и равнодушные, они провожали Брежнева в последний путь. Вот и могила, опускают гроб – и в последний момент он падает. Это был знак свыше. Предупреждение мне. Тогда понял – меня ждут не лучшие времена. Все ждали перемен, мой народ чувствовал, что нужно менять жизнь, иначе беды не миновать. Но, что могли сделать люди, которые стояли у гроба Брежнева? Эти старики с плохим здоровьем, без огонька в глазах, они хотели только одного – дожить спокойно и, если получится, провести остаток дней на троне. В тот ноябрьский день уходила целая эпоха, и наступало новое время больших ожиданий и надежд.

Глава третья. Откровения Хрущева

Кто же тот человек, который мог меня спасти? Этот вопрос терзал меня больше всего. Почему не знаю этого человека? Нет! Скорее всего, я его знаю, но почему-то не уделил ему внимания. Почему мой народ не поддержал его? Да, вот так всегда. Когда человек рядом, мы часто не замечаем его, не ценим редкого таланта, не бережем и не понимаем его истинной ценности. Когда у нас все хорошо, мы не хотим ничего менять и никого слушать, так нам удобнее. И когда надо трудиться, идти вперед, мы замираем в комфортной зоне, расслабляемся и ругаем тех, кто хочет заставить нас дальше двигаться для нашего же блага. Нам лень стремиться к будущему: вот придет завтра, тогда и подумаем, что делать? Но новый день приходит, а мы расслабились, и потому остаемся в прошлом, упуская свой шанс на будущее.

На небе опять появился чей-то дух. Я постарался подлететь к нему ближе. Круглое лицо, солидная лысина, умные, с хитрецей глаза. До боли знакомое лицо. Где-то я видел его!

– О, здоровеньки булы! Это ты? – Дух подлетел ко мне. И открыл от удивления рот. – Как ты оказался здесь? Ты должен быть там. – И дух показал на широкие просторы, которые растерялись внизу.

Я стоял пораженный, мне было стыдно, что я не оправдал доверия этого правителя. Но кто же это? Я опять напряг свою память. Ах, Это же Никита!

– Никита, здравствуй!

Он еще раз посмотрел на меня и тепло обнял. Его воздушное тело вздрагивало.

– Что случилось, Никита?

Я посмотрел ему в глаза – он рыдал.

– Почему ты плачешь?

Хрущев не мог прийти в себя.

– Я не могу поверить, что тебя нет. Этого не может быть! Ты должен быть там, со своим народом, жить всегда, вечно. Что же случилось?

И Никита опять стал рыдать. Я стоял рядом и терпеливо ждал, когда он успокоится. Не надо утешать человека, когда ему плохо. Слезы выведут боль и очистят душу. Нужно было просто молча постоять рядом. Но меня очень тронули слезы Хрущева, было видно, что он искренне переживает мою смерть. Так прошло больше часа. Когда Никита, наконец, успокоился, начал рассказывать свою историю.

– Кем я был? Простой деревенский мальчишка. Когда началась Гражданская война, вступил в Красную армию, воевал под Царицыном. Мы отступали, белогвардейцы зажимали нас со всех сторон, фронтом командовал тогда еще молодой Иосиф Джугашвили. Тяжелое было время. Потом работал, в тридцатом году поступил в Промышленную академию, стал парторгом, здесь познакомился с Аллилуевой, женой Сталина. Ты, наверное, ее помнишь? Белокурая красивая женщина. Она замолвила за меня словечко перед мужем, и моя карьера резко пошла в гору. Вскоре избрали первым секретарем московского горкома партии. Было страшное время больших репрессий. Ты знаешь, кто рекомендовал меня на этот пост Сталину?

– Нет, – удивленно ответил я.

– Каганович. И знаешь, как он рекомендовал меня вождю? Сказал, что я троцкист. Это же, считай, в то время смертный приговор. Но Сталин улыбнулся: вот пусть теперь троцкистов убирает. На должность утвердили. Моими руками хотели уничтожить всю старую большевистскую гвардию. Я старался не принимать участие в репрессиях. Они были революционерами, и я не понимал, почему старые проверенные временем люди вдруг стали врагами. Разве товарищ Ленин мог окружить себя врагами народа и предателями? Сталин направил меня на Украину первым секретарем. – «Не забывайте товарищ Хрущев, троцкисты враги народа».

Так он дал понять, что моя жизнь будет зависеть исключительно от количества разоблаченных троцкистов. Что мне оставалось? Только начать чистку партаппарата. Мне крайне стыдно за те поступки, но было дико страшно, и я отчаянно боролся за жизнь. Лучшие военные кадры подготовил в свое время Троцкий, а всех, кому он дал дорогу, теперь беспощадно уничтожали. Сам, когда-то восхищался талантом этим человеком, но времена изменились, пришлось меняться и мне. Когда фашисты напали на страну, армия была обескровлена. Войска беспорядочно отступали. Мне поручили руководить обороной Киева. Но какой я полководец, всю жизнь занимался хозяйственной и партийной работой. Оборону столицы Украины провалил. Мне не хватило знаний и самостоятельности, без разрешения вождя было очень опасно что-то предпринимать, а Сталин редко общался с нами в первые месяцы войны. По моей вине несколько сотен тысяч человек оказались в окружении. Я не дал команду к отступлению, и все они попали в плен к врагу. – Хрущев закусил губы, ему было очень больно. – А что я мог сделать? Дать команду отступать? Меня бы первым к стенке поставили, как предателя и дезертира. Потом мне поручили вести наступление на Харьков в сорок втором. – Лицо Хрущева перекосила гримаса боли. – Тогда планировалось широкое наступление, но оно не было толком подготовлено, немцы нас переиграли, и армия попала в капкан. Жертвы были страшные. Думал, меня расстреляют за такой провал. Война это не мое. Какой из меня военный? И зачем только Сталин посылал меня на выполнение таких операций? Я сумел бежать, но армия погибла, скорее всего, меня бы поставили к стенке, но заступился Молотов, благодаря ему я остался жив. Мой сын Леонид воевал, был летчиком и бомбил Германию, его подбили и ранили, перебитый и контуженный он был доставлен в госпиталь. Там Леня от горя часто стал пить и в алкогольном угаре застрелил другого офицера. Сына отдали под трибунал. Я ходил к Сталину, умолял его не судить сына. Но вождь высокомерно спросил: ты за сына хлопчешь как отец или как член Политбюро? Что я мог сказать? Конечно, как отец. «Так скажи, как отец, что ты скажешь отцу того офицера, которого убил твой сын?» Сталин был непреклонен, и моего сына осудил трибунал. Его разжаловали и отправили в штрафной батальон. В первом же бою попал в плен. Когда немцы узнали, что он мой сын, его стали использовать в пропаганде. Немцы умели применять методы устрашения, и Леонид стал сотрудничать с фашистами. До Сталина дошли эти слухи. Вождь дал указание партизанам выкрасть Леню. А я опять пришел к Сталину. Мне было очень страшно, но я умолял простить сына. Сталин ничего не ответил. А вскоре я узнал, что партизаны, выкрыв у немцев сына и по личному распоряжению Сталина расстреляли, как предателя. Я все-таки не последний человек в партии и можно было сделать исключение ради меня? Вождь устраивал праздники в честь побед на фронтах и меня просили исполнить гопак, украинский национальный танец. Что мне оставалось, плясал, хохоча и веселясь на полную катушку. А в душе все обливалось кровью. Иногда хотелось достать пистолет и пристрелить Сталина. Отомстить за сына. Но плясал, а все хохотали надо мной: во Никита кренделя выкидывает! Я убежал в уборную. Схватил полотенце и разрыдался как малое дитя. Сердце разрывалось от боли, душа не хотела жить, я оплакивал сына, которого не пощадил Сталин. Но меня опять позвали к вождю и, вытерев лицо, улыбаясь, опять побежал плясать свой проклятый гопак под гогот окружающих. Как мне стыдно за свою трусость! Но я же был не один такой. Посмотри, Молотов. Второй человек в стране, а жена сидела в лагере, умирая от голода и холода. А всероссийский староста Калинин – его вторая половина тоже была арестована, и он даже не заикнулся о ней перед Сталиным. Все жили в страхе. Каждый думал только о себе, и я тоже.

Хрущев опять перекошился от боли. Даже сейчас, спустя столько лет, она не отпускала его и по-прежнему теребила его незаживающие, кровоточащие раны. Никита помолчал.

– Война закончилась, опять пошли враги и шпионы, вновь полетели головы. Казалось, всем этому не будет конца. Но пятого марта мне сообщили, что Сталин умер. В душе было два чувства. Одно – облегчение: все кончился страх. А второе – ощущение неопределенно-

сти, что будет теперь? Я понял, что сидеть, сложа руки нельзя. Скоро начнется драка за трон. Собрал Политбюро. Все были подавлены, и только Берия выглядел бодрячком. Казалось, он не сильно переживал смерть вождя. Но все члены Политбюро со страхом смотрели на бывшего наркома НКВД. Лаврентий думал, что его сделают приемником Сталина, но перепуганная партийная верхушка предпочла видеть меня на вершине власти. Между собой они говорили: давай Никиту пока поставим, а то Берия придет к власти, и нам тогда несдобровать. Они считали меня за простака, танцующего гопака под всеобщий гогот. Члены Политбюро испугались заговора против Лаврентия, и только мне удалось убедить Жукова его арестовать – сумел грамотно сыграть на чувствах маршала. Берию арестовали прямо на заседании Политбюро, я убедил всех, что надо с ним быстро заканчивать, и вскоре его расстреляли. На двадцатом съезде выступил с докладом, в котором разоблачил Сталина, показал всю жестокость этого человека и те огромные потери, которые понесли партия и народ. Я выпустил почти всех политических заключенных, кроме, конечно, настоящих предателей и пособников фашистов. Старая сталинская команда не простила мне этого: они были тоже причастны к террору и всем ошибкам вождя. Они почти добились того, чтобы меня сняли с должности, но Жуков вмешался в заседание пленума ЦК. Министр обороны встал на мою сторону, сказав свои знаменитые слова: «Без моего приказа ни один танк, самолет и солдат не сдвинется с места». Я победил и всех противников быстренько выгнал из партии. Но Жукова стал бояться больше огня. И когда он уехал с визитом в Болгарию, добился, чтобы его сняли со всех постов.

– Скажи, Никита, а ты мог бы меня спасти?

– Что за вопрос? Я всю жизнь посвятил, чтобы прославить тебя, сделать сильным и мощным. Но пойми, каково мне было? Война недавно закончилась, кругом разруха. Тут еще американцы стали угрожать, нужно было много оружия и огромную армию содержать. В Новочеркасске вспыхнул протесты, рабочие организовали массовые беспорядки. Местная милиция не могла успокоить людей. Пришлось вводить войска. Рабочие были, конечно, правы, но я боялся. Если не подавить бунт, он мог перекинуться на другие города, и тогда бы советская власть могла просто рухнуть. А допустить этого было никак нельзя. Людей уговаривали разойтись по домам и приступить к работе, но они не пошли на компромисс. Лучше умрем, но больше жить в нищете не хотим. Тогда я отдал приказ стрелять. – Лицо Хрущева опять перекошилось от боли. – Не знаю, почему пошел на такой гнусный поступок, но у меня не было выбора, тем более все окружение только и говорило, что нужно показать им силу. Стреляли в Новочеркасске, а пули, летевшие в рабочих, били мне в грудь. Я был в Кремле. Но крики и стоны умирающих людей, стояли у меня в ушах. Прекрасно понимал, что так нельзя, но страх за советскую власть взял вверх.

Хрущев закрыл лицо руками, его плечи мелко подергивали. Он рыдал как маленький ребенок, и было видно, какую страшную боль вызывают эти воспоминания. Я стоял рядом и молчал. Наконец он успокоился.

– Это было самое трудное для меня время. После этого я понял, что надо многое менять. С американцами были большие проблемы, поехал туда с визитом договариваться о мире. Народу было тяжело выдерживать огромные затраты на оборону. Да, ради народа сократил армию, срезал финансирование, а сэкономленные средства пустил на благо людей. Запретил строить помпезные дома для элиты и внедрил крупнопанельное строительство, и у людей появилась возможность иметь отдельные квартиры. В Америке видел, как живут люди, и понял, что идем мы не тем путем. Хотим построить коммунизм, а живем в нищете. Я поставил задачу догнать и перегнать Америку. Это было очень трудно сделать. Но, тем не менее, через двенадцать лет после окончания войны мы запустили первый в мире спутник. Ты представляешь, голодная страна, которая еще залечивала раны войны, стала первой космической державой! Как тобой тогда гордился весь наш народ, да что наш, вся планета восхищалась. Через четыре года мы запустили в космос первого человека. И Юрия Гагарина весь мир носил на руках.

Это был твой триумф. Но нужно было накормить людей. Я дал указание осваивать целину. Честно думал только о народе. Но что могло вырасти там, в заброшенных далеких краях? Хотел посадить везде кукурузу, но она не пошла. Наш климат не для нее. Опять перебои с зерном. Люди стали проявлять недовольство. Я человек эмоциональный, а окружение стало специально манипулировать мной, не сдержанный, и пошли ошибки за ошибками. К тому же хотел благодарности от народа, а он все был недоволен. Конечно, были срывы. Против меня пошли интриги. За спиной договорились – и в шестьдесят четвертом сняли со всех постов. Им было стыдно смотреть мне в глаза, но я принял их поступок со спокойствием. «То, что вы меня, вот так открыто, на пленуме, прямым голосованием снимаете с высшего поста – это и есть моя заслуга. При Сталине вас всех бы просто расстреляли без суда и следствия». Я ушел с высоко поднятой головой. Главное, разрушил страх, который насаждал всем в свое время вождь. Этот страх еще долго будет сидеть в людях. Но я сломал его, пусть не до конца, но сломал и, наверное – это мой главный поступок в жизни.

Хрущев замолчал. Я стоял рядом и тоже молчал. Через полчаса спросил:

– Никита, так ты все-таки мог меня спасти или нет?

Хрущев смотрел влажными от слез глазами.

– Нет. Хотя делал все, что от меня зависело.

– Почему ты не мог спасти?

– Дело не во мне. Все, что заложил Сталин, было ошибочным, и путь этот был не совсем правильный. Его нужно было менять, я это понимал, но пришлось бы менять систему, а к этому был не готов.

– А кто мог меня спасти?

Хрущев задумался, было видно, как он перебирает в памяти знакомые лица. Глаза не высказывали ничего, просто пустота. Но вдруг что-то заблестело в его взгляде.

– Спасти тебя не способен был никто. Единственный, на кого ты мог рассчитывать. Один человек. Хрущев замолчал, перебирая, что-то в памяти. – Он не производил впечатления величия и мощи, его мало кто боялся. Скромный работник, можно сказать, серый, любил держаться в стороне, всегда строгий, улыбался редко. Но умен. Ох, как был умен! Его в свое время Сталин где-то в Ленинграде отыскал. После репрессий тридцать седьмого года специалистов практически не осталось, а руководить кому-то надо было. Сталин сделал ставку на молодежь, не все были толковые, но этот – талант. Умел просто творить чудеса. Говорил мало, сразу вникал в проблему, молниеносно находил лучшие пути решения – и мыслил. Ох, как мыслил! Когда я взошел на трон, всех этих сталинских выкормышей, знаешь, как ненавидел? Всех старался убрать подальше. И этого тоже. Но потом понял, какой бесценный помощник оказался рядом. Таких организаторов больше не видел. Он многое хотел изменить, но я его тормозил. Своими идеями он рушил мои планы, страшно сердился на него, но выгонять не хотел, понимал, что лучшего не найду никогда. Он работал по четырнадцать часов, я всегда отправлял его туда, где было трудней всего, казалось все, не справится, но, к моему удивлению, задачи были решены на твердую пятерку. Если честно, его не любил, чувствовал себя с ним некомфортно, понимал, насколько он мощнее меня и способней. Не самое приятное ощущение чувствовать свою ущербность рядом с более умным и ярким человеком. Не любил его, но для дела он был незаменим. Только он мог спасти тебя. Больше никто. – Тут Хрущев вдруг спохватился. – Ой, мне же надо еще свою Калиновку посмотреть, там моя родина.

И со свойственным ему темпераментом пулей покинул меня. Я даже не успел сказать ему до свидания.

Да энергии у него очень много. Жаль, что она часто уходила в эмоции. Я прекрасно понимал, как тяжело приходится людям, которые хотят провести реформы, но все еще не избавились от пут прошлого. Это трагедия многих реформаторов. Дух Хрущева стремительно уплывал вдаль, а я смотрел ему в след. Кто же мог меня спасти? Я не успел получить ответ, но мне

очень хотелось узнать, кто этот загадочный человек, который был способен вылечить болезнь, от которой я умер. Слышал от Брежнева, что талантливым организатором был Берия. Может, он имел в виду его? Но Хрущев явно говорил про другого человека. Надо найти бывшего наркома НКВД и побеседовать с ним. Говорят, что он очень коварный человек, но духам нет смысла обманывать и плести интриги, здесь на небесах мы все равны.

Глава четвертая. В поисках Лаврентия

Я поплыл на облаках искать дух Берии. Обычно, покинув мир душа, часто приходит туда, где она родилась. Скорее всего, я найду Лаврентия в Грузии. Облака поплыли на юг, я с тоской смотрел на огромные просторы своих былых владений. Вот Волгоград – город, который останется в памяти у всех. В самые страшные дни войны здесь мой народ покрыл себя неувядаемой славой. Сколько полегло в этом городе моих мужественных богатырей, которые яростно защищали, каждую улочку, каждый дом, каждый метр родной земли. Вот там стоит знаменитый дом Павлова. Я помню то время. Все взрывалось и плавилось, на каждый квадратный метр земли было сброшено более четырех тонн бомб и снарядов. Это было не просто поле боя, это был настоящий ад. Но мой народ выдержал все и смог остановить врага, а затем обратить его в бегство. Потомки в благодарность героям возвели величественный монумент Матери Родине. Но разве можно как-то оплатить этот подвиг, то мужество и героизм, который проявили ради Отчизны мои защитники? Остается только одно – память, которая сделает ваш подвиг бессмертным.

Я плыл дальше на юг. Вот внизу, у подножия горы Машук, раскинулся Пятигорск, красивый курортный городок. Миллионы людей приезжали сюда на отдых. Лечебные воды восстанавливали здоровье людям, а прекрасная природа радовала глаз гостей. Здесь когда-то служил Лермонтов. Ходил по этим улочкам, ища вдохновения для своих поразительных стихов и рассказов.

Впереди засверкали белыми шапками величественные Кавказские горы. Облака проплывают над заснеженными вершинами так низко, что можно рукой дотронуться до хребтов, но ветер несет меня дальше. Открываются зеленые холмы Грузии, которые когда-то воспевал Пушкин. Четыреста лет назад грузинский царь обратился к России с просьбой спасти от жестокого врага, который грозил разорить эту прекрасную землю и истребить благородных людей. И мощной грудью закрыл я тогда от всех врагов гордый грузинский народ. Какие это прекрасные люди, гостеприимные, добрые, а как красиво звучали песни над этой благодатной землей.

А вот и Кутаиси, рядом небольшое селение Мergели. В одном из этих домиков родился мальчик. Он был довольно смышленным ребенком. Родители отправили его учиться в Сухуми. Помню то время, этот чудный город, утопающий в зелени, его прекрасную набережную и теплое море. Пролетели годы, отец мальчика умер. Юный Лаврентий уезжает в Баку, где начался нефтяной бум. Юноша забирает с собой мать и глухонемую сестру. Он много работает, чтобы содержать своих близких. В то время случилась революция. Юноша ее поддержал, вступил в партию большевиков. Потом жизнь мотала Лаврентия из одного края в другой. Он восстанавливал экономику в Закавказье, и добился больших успехов. Его заметили и поставили руководителем Грузии.

Духи всегда любят родной край, и мои надежды оправдались. Душа Берии действительно витала над одним из домов. Видимо, тут он и родился. Я тихо подплыл к нему сзади.

– Кто здесь? – Резко обернулся бывший нарком НКВД, почувствовав, что-то неладное. – Это ты? – От удивления он даже открыл рот, его пенсне упало. – И ты здесь? Как такое могло случиться? Всех врагов истребили, защищая тебя от предателей, и ничего не помогло. Ты все равно умер. Хотя чему я удивляюсь? Догадывался, что все кончится плохо и для меня и для тебя.

– Скажи, Лаврентий, почему я умер?

Берия, надев пенсне, смотрел на меня своим пронзительным взглядом.

– Не могу сказать точно, меня не было, когда ты умер, но я знал, ты был болен.

– Ты знал, что я не здоров?

– Да, знал.

– А почему не пришел ко мне на помощь?

– При Сталине я не мог ничего сделать, мне приходилось выполнять волю хозяина. Он меня вызвал из Грузии. Был тридцать восьмой год. Кругом страх, везде только и говорили о врагах, шпионах и вредителях, за которых взялся тогдашний нарком НКВД Николай Ежов. Я его видел. На меня он произвел не самое лучшее впечатление: небольшого роста, с букетом внутренних комплексов, главный чекист не обладал ни граммом сочувствия и готов был уничтожить любого ради того, чтобы выслужиться перед хозяином. В этом нарком так преуспел, что весь народ содрогнулся от жестокости. Страх поселился в людях. Каждый день арестовывали маршалов, генералов, командующих армиями, полками, дивизиями, начальников штабов, лучших стратегов Красной армии. Ты не представляешь, когда я пришел в НКВД и посмотрел дела, просто ужаснулся. Было арестовано и уничтожено почти девяносто процентов высшего командного состава и восемьдесят процентов среднего звена армии. Самые талантливые полководцы и лучшие командиры в одночасье превратились во врагов народа – это те, кто составлял костяк Красной армии еще в Гражданскую войну, те, кто в жестоких боях отстаивали советскую власть. Вся их вина была только в том, что многим из них дорогу в жизнь открыл Троцкий. Ведь именно он создал Рабоче-крестьянскую Красную армию, он был самым лучшим полководцем, хотя сам никогда не был военным. Хозяин очень завидовал Троцкому, на его фоне Сталин выглядел блекло, поэтому всю жизнь боялся своей армии и мстил ее основателю. Многие называют меня палачом, но я все-таки не так много людей арестовывал, в десятки раз меньше, чем Ежов. Когда началась война, я думал, мы проиграем войну.

– Откуда у тебя появились такие мысли Лаврентий?

– Я пришел к очень нехорошему выводу. Все обвиняли Сталина в репрессиях, он убирал конкурентов, да, боялся заговоров. Но ведь доносы писали сами люди. Знаешь, сколько человек накатали доносы на своих друзей, коллег по работе, даже родственников? – Берия достал носовой платок и не спеша вытер наголо обритую голову. – Четыре миллиона. Представь, четыре миллиона стукачей! Я жутко не люблю таких людей, хотя и поощрял их. Но это была моя работа. Писать доносы их никто не заставлял. Представь, ты честно работаешь, дружишь с коллегами, и в теплой компании, за застольем, сказал что-то лишнее после рюмочки водки. А утром за тобой приходят и арестовывают. Кто-то этой же ночью написал на тебя донос и, конечно, все искажил, и теперь ты враг народа. С каким отвращением я смотрел, как они сдают друг друга. Разве такие люди способны объединиться и дать отпор врагу? Когда немцы наступали, началась паника, отступали многие из этих новых начальников, которые только и умели, что доносы писать. Немцы наступали стремительно. Я совсем пал духом. Честно скажу, не верил в победу, да и хозяин стал сомневаться.

– Разве Сталин сомневался в победе нашего народа?

– Я не могу за него сказать, со мной эту тему не обсуждал, он мало с кем говорил по душам. Все свои страхи, сомнения – все носил внутри. Очень трудно было понять, что у него на уме. Но, когда началась война, хозяин впал в страшную депрессию, закрылся у себя в кабинете и две недели ни с кем не общался. Все это время никто не понимал, что делать. Командующие армии были люди несамостоятельные, боялись взять на себя ответственность, их растерянность привела к большим потерям. Да и армия у нас после репрессий стала слабой. Ты можешь представить, до чего доходило дело: порой лейтенант или капитан командовали полками, а майоры – целыми армиями. Опыта не было, решительности тоже, всего боялись. Некоторые находили мужество выйти из окружения. Потом Сталин пришел в себя. Он был страшно зол и искал виновных. И тех, кто выходил из окружения, спасая людей и оружие, приказывал арестовывать. Многие генералы были расстреляны из-за неудач нашей армии. Но разве они были виноваты? Сколько разведчиков доносили Сталину, что немцы нападут, и сроки точно указывали. И что Сталин? Приказал им прибыть в Москву, и всех арестовали как провокато-

ров, многих расстреляли. А теперь виновными были те, кто пытался хоть как-то остановить врага. Я с ужасом слушал сводки с фронта, Красная армия сдавала один город за другим. В августе пал Смоленск, дорога на Москву была открыта. Сталин все не верил, что немцы пойдут дальше. Ворошилов все время внушал нам, что война будет легкой прогулкой по территории врага: да мы их шапками закидаем! И что? Танки Гудариана с легкостью проламывали нашу оборону. В начале октября немцы подошли к Волоколамску, Малоярославцу, Клину. Обойдя Москву огромными армадами с трех сторон. Я тогда пришел к хозяину: нужно срочно эвакуировать Москву. Сталин побледнел: а что, такая ситуация сложная? Нет, не сложная. А просто нам всем крышка! Немцы подошли к Химкам, и до Кремля оставалось каких-то пятнадцать километров. Мне было очень страшно. Сталин сидел в бункере. Оттуда была проведена ветка метро, по которой можно было быстро эвакуироваться в любой момент. Сталин спешно подписал постановление об эвакуации. Он был не на шутку перепуган, руки тряслись. Но, надо отдать должное, сумел сохранить хладнокровие, хотя я видел, как ходили желваки на его скулах. Мы планировали вывезти из столицы: Центральный комитет, наркоматы, госплан, управления, центральный банк, золото и деньги, заводы, тайные архивы, библиотеки, музеи, театры, посольства и часть людей. Все должно было идти по плану. Но так как этот документ попал к руководству Москвы, произошла утечка. В Москве началась страшная паника. Все начальники – от самого высшего до мелкого – бежали из города, бросив свои предприятия, коллективы. Драпали так, что мне дико стало стыдно за русский народ. Крысы с корабля и те, бегут не так быстро. Вся Москва была в хаосе. Не работали электростанции, перестали подавать воду в дома, весь транспорт начальники использовали для вывоза своих родственников и имущества. Метро не работало, магазины закрыты. Все встало. Город был дезорганизован и брошен на произвол судьбы. В Москве жило в начале войны четыре с половиной миллиона, и людей просто бросили. Первый день население не понимало, что творится, на второй день многие жители кинулись бежать из города. В Москве творилось что-то невообразимое, милиции нигде не было, начались погромы складов и магазинов, грабили все, что только можно. Некоторые милиционеры пытались остановить мародеров, но одичавшая толпа в ярости разрывала их. Три дня Москва была отдана на разграбление. Я пытался что-то предпринять, но у меня была другая задача. Немцы будут в городе через три дня, а у меня в тюрьмах сидели десятки тысяч заключенных. С ними же тоже надо было что-то делать. Большинство мы вывезли в подмосковные леса и расстреляли. А что еще оставалось? Не врагу же их отдавать. Заводы были брошены, там творилось что-то невообразимое. Рабочие нападали на кассы и искали деньги, чтобы на что-то хоть жить, но начальники заранее прибрали все финансы и благополучно покинули Москву. Мне еще пришлось минировать метро. Я не мог позволить фашистам его захватить. Фашисты должны были войти в пустой город, где все будет уничтожено. Я этим и занимался. Представь, на третий день из Москвы пошли жители – два с половиной миллиона одновременно. Это было что-то ужасное. Все улицы были запружены народом, люди шли по мостовой, транспорт не мог ехать, бесконечная толпа двигалась в сторону Владимира. Шли целыми семьями, все с чемоданами, с мешками, детьми. Выпал первый снег, кругом было много грязи. Миллионы ботинок, туфель, сапог вытоптали газоны, торопясь покинуть Москву. На мостах образовывались страшные пробки. В бесконечном потоке шли легковые машины, автомобили для перевозки хлеба, молока, бензовозы. Телеги, коровы, лошади, автобусы, какие-то тачки. Все старались быстрее покинуть город, толкались, стоял страшный шум, вопли женщин, крики детей, ржание лошадей, нескончаемые гудки машин. На грузовиках сидели люди с мешками, и если машина останавливалась, толпа обезумевших москвичей набрасывалась на тех, кто был в машине, скидывала их, каждый старался занять место только для себя. Это было самое позорное зрелище, которое я видел за свою жизнь. Они залезали в грузовик и теперь отбивались всеми силами от других, кто шел пешком. Им было все равно, кто сидит в машине – женщина, ребенок, старик или больной человек. В панике москвичи забыли все человеческое. Спасали

только свои шкуры. Мне было тошно на это смотреть, но ничего поделать я не мог. Немцы скидывали с самолетов листовки: «Русские! Мы пришли дать вам свободу! Не слушайте коммунистов, их время ушло. Они все будут расстреляны, а вам, простым гражданам, не надо больше выполнять приказы вашей преступной власти. Теперь в России будет установлен новый порядок, и вы станете свободными людьми. Помогите своим освободителям!» Город был завален этими прокламациями. Многие читали и прятали листовки в карманах. Москва замерла в ожидании самого худшего. Только на четвертый день милиция и сотрудники НКВД с огромным трудом стали наводить в городе порядок. Пришлось расстреливать на месте мародеров и паникеров. Толпы разъяренных грабителей пытались напасть на сотрудников правоохранительных органов, но в этих условиях те действовали, как полагается на войне. Начали стрелять на поражение. И только тогда, почувствовав страх, толпа разбегалась в разные стороны, оставляя на мостовой раненых и убитых, спасая только свои шкуры. Я ездил по Москве и удивлялся, как изменились люди после чисток. В мое сознание стали пробиваться крамольные нотки сомнения: а тех ли мы расстреливали? Мы арестовывали знаменитых людей, известных на всю страну, вчерашних кумиров, а завтра толпа, которая преклонялась перед ними, требовала справедливого суда, сурового наказания и расстрела. Они орали с такой злобой и ненавистью, как будто это их заклятые враги. И вот это равнодушная и жестокая толпа в трудный для страны момент в панике бросала свою столицу, расталкивая друг друга, бежала без оглядки вглубь тыла. Эти же люди, которые требовали смерти вчерашним друзьям, сегодня грабили магазины и готовы были присягнуть на верность фашистам. Я все это видел и понимал – войны нам не выиграть. И тут я увидел другое. По мостовой в сторону фронта шли добровольцы: профессор, педагоги, рабочие, вчерашние студенты и даже школьники. Они шагали по мостовой, плотно сжав губы, и сжимая, держали в руках винтовки, которыми не умели пользоваться. У многих не было оружия, они несли с собой бутылки с зажигательной смесью. Люди осознанно шли на смерть. Никто не верил, что врага можно остановить. Но эти добровольцы внушали такое уважение, в них чувствовалась такая сила духа, что у меня появилась искра надежды. Не все, оказывается, доносчики и стукачи, не все трясутся за свои шкуры. Отряд выходил из одного двора, из другого, третьего, и вот несколько десятков тысяч ополченцев идет на фронт, чтобы погибнуть за Москву и не отдать ее врагу. Они шли строем, не попадая в такт, маршируя не в ногу, но их глаза говорили – Москвы не сдадим. Я смотрел на этих людей. Никогда не страдал сентиментальностью, но тут у меня ком подкатил к горлу. Я знаю, как они воевали. Они шли по Ленинградскому шоссе к Химкам, там, где рвались к Москве танки Гудериана. Защитники столицы сидели в окопах и ждали танки. Что у них было? Только винтовка, иногда граната и бутылки. Но они не отступили ни на шаг. Бросались под танк с гранатой, подрывая себя, но вражеская бронированная машина теперь не могла пройти к Москве. Такого отчаянного сопротивления фашисты нигде не встречали. Наверное, они все погибли, лучшие люди. Те, кто не писал доносов и не требовал сурового наказания для друзей. Но именно эти люди спасли Москву, как и те солдаты, которые ценой своей жизни остановили врага. Сталин оставался в Москве, он надеялся на чудо. И оно свершилось, но этот по истинно исторический феномен сделал не вождь и даже не Жуков, таланту которого надо отдать должное. Москву спасли честные люди, мужеству которых я отдаю должное и признаю свои ошибки, когда оценивал русский народ по всем этим стукачам и доносчикам.

– Скажи, Лаврентий, а ты мог меня спасти?

– Ты что такое говоришь? Я всю жизнь боролся за тебя. В войну я создал мощную разведку, ловил шпионов и предателей, в это время их на самом деле было много. Честно выполнял свою работу. А после войны? Когда американцы взорвали над Японией ядерные бомбы? В поте лица трудился над сверхсекретным заданием, и четыре года спустя под моим руководством была создана наша атомная бомба, которая поумерила пыл империалистов, и страна могла спокойно жить. Много старался для тебя, ведь ракетными установками занимался тоже

я. Ты не представляешь, как с облегчением вздохнул, когда умер Сталин. Мне хотелось взойти на трон, но не для власти как таковой. Хотелось провести реформы, ввести частную собственность, мелкие лавочки, магазинчики, мастерские, крестьянские хозяйства. Я все это видел и в Германии, и Польше, Венгрии. В ГДР было восстание в пятьдесят третьем году. Причина в том, что люди стали жить очень плохо, советская система не работала, и нужно было что-то менять. Да, тогда мы подавили бунт. Но ты можешь представить – рабоче-крестьянская власть подавляет своих же рабочих. Только тогда понял, что мы идем не тем путем. После этого восстания было ясно, что сохранить тебя на определенное время можно, только если все время держать народ в страхе. Но сколько можно запугивать людей? Ведь придет момент, когда страх уйдет, и что тогда делать? Сталин не туда повел всех нас, заливая дорогу потоками крови своего же народа. Честно, хотел тебя спасти! Начать реформы. Я бы мог, в руках у меня была большая сила, и все меня боялись, все эти шуты и трусы из Политбюро. Мог бы. Но Хрущев поступил подло, заманив меня в ловушку. Арест, а потом расстрел. Мне не было страшно, ругал себя, что недооценил этого клоуна Хрущева, надо было всех их арестовать, а потом проводить реформы. Но я оказался слишком самонадеян. Когда меня выводили во двор Лубянки, то был спокоен. На мне много было чужой крови, бесчисленное количество плохих дел, недостойных поступков, но я старался все сделать, что бы ты был великим и могучим. Мне не хватало доброты, сочувствия к людям, но тогда я вряд ли бы выжил. Мне не хватило честности, но работал добросовестно и ничего лично для себя не просил. Не вез из Германии вагонами трофеи, не брал взятки, не сводил личные счета. Часто я находил в тюрьмах талантливых ученых, конструкторов, физиков, математиков вытаскивал их, создавал более-менее, человеческие условия и давал им шанс выжить. Я знаю, все эти члены Политбюро повесили на меня всех собак, у них виноват во всех злодеяниях. Но я выполнял приказ хозяина, а они? Все они предавали своих учителей, наставников, друзей, родственников только ради власти и собственной шкуры. Все это видел и хорошо знаю. А теперь они стали борцами за справедливость, и только я был душегубом. Они так обелили Сталина. Как будто это я подписывал приказы о расстрелах! Но Бог им судья. Мне обидно только одно – что ты сейчас тоже на небесах, а значит, мои опасения, к сожалению, оправдались.

Берия умолк, на его твердом лице пробежала чуть заметная нотка тоски. И я понял, какая страшная трагедия сейчас творится в душе этого всемогущего наркома НКВД, которого боялась страна. Все, что он делал, чему посвятил жизнь, оказалось напрасным. Ради чего нужны были все эти бесконечные жертвы, если, в конечном счете, оказалось на свалке истории? И самое страшное для Берии, что на этой свалке оказался и я. Он долго стоял, думая о чем-то своем, а волны тоски наплывали и наплывали на его лицо, глаза постепенно становились влажными.

– Скажи, Лаврентий, кто мог меня спасти?

– Честно? Я, наверное, не смог бы, у меня слишком жестокое сердце, нет, изначально не был плохим человеком, но за двадцать лет я стал черствым и равнодушным. Тебя могло спасти только доброе сердце и теплые руки. У меня не было ни того, ни другого.

– Но ведь у кого-то была возможность спасти меня? – чуть не плача прокричал я. – Получается, во всей огромной стране не нашлось ни одного человека, кто бы меня спас?

Берия помолчал.

– В той системе, которая была у нас, такой человек просто не мог появиться. Хотя мог бы – один. Берия задумался, роясь в своей памяти – Да, я его помню, он был относительно молод. Его еще Сталин приметил. Интересно, этого товарища после учебы послали в Сибирь заниматься кооперацией. Так ты не поверишь, такой предприимчивый оказался, поставил там дело так, что деньги к нему рекой потекли. Если бы Сталин не свернул НЭП, он стал бы одним из самых богатых людей в стране. Но потом почему-то все бросил, вернулся домой, поступил в институт, жил очень бедно, с хлеба на воду перебивался. А затем за четыре года вырос до наркома. Представляешь, какой карьерный скачок? На учебу потратил больше времени, чем на то,

чтобы получить наркомовский пост. Я понимаю, НКВД расчистил дорогу для молодежи, думал за ним кто-то стоит. Но нет. Просто самородок какой-то, волшебник! За что ни возьмется, все решает. Таких редко людей встречал. Но сам его не любил. Не знаю, за что. К нему придраться невозможно, нет недостатков. Весь такой положительный, хороший семьянин, исполнительный, в интригах не участвует, амбиций никаких, гордыни нет, одна работа на уме. Вот как такого на крючок взять? Да и к людям, в отличие от всех нас, относился по-человечески. Сталин его в наркомы произвел, потом бросал на решения самых тяжелых задач. Но хозяин ценил людей тогда, когда они ему были нужны, а потом...

– Что потом? – спросил я. Мне было интересно узнать мнение Берии о Сталине.

– Потом, – Берия тяжело вдохнул. – Хозяин всегда чего-то боялся. В его душе жил страх. Не знаю, почему и откуда он взялся, но Сталин всю жизнь провел в ужасном напряжении, как будто его окружали не, верные соратники и друзья, а потенциальные убийцы, ежеминутно жаждущие лишить его жизни. Он был подозрительный, никому не доверял. Знаешь, какая у Сталина была любимая поговорка? Здоровое недоверие – хорошая основа для совместной работы. А про НКВД, что говорил? У чекиста есть только два пути – на выдвижение или в тюрьму. Вот и понимай, как хочешь, любая ошибка стоит жизни. Все мы работали, как на минном поле, один неверный шаг – и все. Самое страшное, мы не знали до конца, что хочет хозяин. У него были очень своеобразные шутки, например: «Может быть, так и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто опускались в могилу?» Вот, и решай, что он имел в виду.

– Я слышал все фразы Сталина и хорошо знаю его черный юмор. Но скажи мне Лаврентий, мог он меня спасти?

Берия опять достал платок, снял пенсне и не спеша вытер стекло, потом снова аккуратно надел.

– Я не знаю, он многое сделал для тебя. Поднял экономику. Хозяин всегда говорил: наша цель – постоянно увеличивать число советских республик. Сталин выиграл войну. Конечно, он думал о тебе, ведь твое величие – это его могущество. Мог ли он спасти тебя? Трудно сказать. Я читал историю Древнего Рима и выяснил причину, почему самая мощная империя в мире того времени рухнула. Римляне все строили на подавлении и страхе. Но в страхе можно держать одно поколение, другое, третье. Люди могут долго работать из-под палки. Но у страха есть обратная сторона – равнодушие. Если человеку невыгодно работать, то со временем он перестанет трудиться, а управлять равнодушными людьми очень сложно, и когда сила, которая вызывает страх, ослабевает, унижение, обиды и злость вырываются наружу и сносят все на своем пути. Сталин мог сохранить тебя на определенное время, но страх, который он посеял в людях, скорее всего и стал причиной твоей смерти.

– Почему ты так считаешь? – возмутился я. – Я умер тридцать восемь лет спустя после смерти Сталина. Он в моей смерти не виноват.

Берия посмотрел на меня пристальным взглядом.

– Как ты все упрощаешь! Ты умер потому, что народ не пришел к тебе на помощь. А почему не пришел? Вот ответ себе на этот вопрос.

– Не знаю, – честно признался я.

– Ты умер, потому что тебя убило равнодушие народа. Его приучили к тому, что каждый человек – это ничтожная пылинка, за которую должен решать мудрый вождь. А если эта пылинка захочет подать голос или проявить несогласие? Что было? Забыл? Вот основная причина твоей смерти – страх, который породил равнодушие.

Берия рассердился и решительно поплыл в другую сторону. Мне было жаль, что я не дал ему высказаться до конца.

– Лаврентий, стой! Кто же мог спасти?

Но бывший нарком НКВД был далеко, да и разговаривать со мной не хотел. Почему он на меня обиделся? Мне захотелось встретиться со Сталиным и спросить его, отчего я умер. Вождь родился на этой прекрасной земле в небольшом городке Гори. И в лучах уходящего солнца я поплыл на родину Отца всех народов. Я мечтал пообщаться с духом самой загадочной личности – с самим Сталиным, который определил все мое будущее, находясь на троне тридцать два года.

Глава пятая. Грузия

Внизу, петляя между зеленых холмов, шумно и весело бежала Кура, которую воспели и Пушкин, и Лермонтов. Русские люди с теплотой отзывались о Грузии. Красивые каменные дома говорили о трудолюбии и таланте местных жителей. Множество прекрасных виноградников, дававших знаменитые грузинские вина – «Мукузани», «Напареули», «Саперави», «Киндзмараули», – которые так ценил мой народ. Вдали над селением раздалась песня. Как красивы грузинские напевы! Они мягко текут по вершинам холмов, как бы приглашая в гостеприимный дом, где тебя ждут добрые хозяева, вкусный ужин и кувшин молодого вина. Но я не смогу сюда вернуться. Теперь меня нет, а ведь это была часть меня, теплая добрая и отзывчивая. С болью смотрю на селения – сколько прекрасных людей вырастила это благодатная земля, как она обогатила мою культуру, искусство! Ведь благодаря этому краю я был темпераментней, ярче и веселей.

Но зачем грустить о том, что было в прошлом? Ведь этого все равно не вернешь. Но в моей памяти всплывали широкий проспект Руставели в Тбилиси, его метро, улыбчивые лица горожан, большие платаны, которые широкими ветвями закрывали тротуары от жаркого солнца. А как здесь умели угощать! Харчо, чинара, чахохбили, сациви с ткемали, хачапури – это было просто божественное, приготовленное умелыми руками и с добрым сердцем угощение. Я вспомнил все эти вкусы и запахи, и у меня стало тепло на душе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.